

НЫНЕШНИЕ АНГЛИЙСКИЕ ВИГИ

(Маколей¹. Полное собрание сочинений. Том I. Критические и исторические опыты. Издание Николая Тиблена. Спб. 1860)

Нечего и говорить о том, заслуживает ли одобрения г. Тиблен за намерение издать перевод сочинения Маколея. Должно полагать, что для успеха этого прекрасного предприятия излишни всякие рекомендации. Если надобно публике услышать от рецензентов что-нибудь о русском переводе Маколея, то, конечно, лишь отзыв о степени достоинства перевода. Но и в этом отношении сам издатель предупредил нас, скромно объяснив в предисловии, что издаваемый им сборник переводов не имеет претензии передавать прелесть слога, которою блещит подлинник, а довольствуется возможной точностью в передаче мыслей. Это правда, как мы убедились сличением довольно многих страниц; перевод сделан добросовестно. Ничего лучшего не в состоянии мы требовать, не потребует и публика. Маколей не искажен в издании г. Тиблена, — это уже очень много значит. Издатель, как видно, старался сделать все, что мог. Добросовестный перевод он сделал изящно и присоединил к нему, в виде вступления, большую статью о Маколее, написанную человеком, довольно известным нашей литературе, г. Вызинским². Статья недурно знакомит русского читателя с характером литературной деятельности Маколея и с его жизнью.

Коротко говоря, о русском издании Маколея нечего высказать нам, кроме желанья, чтобы оно продолжалось так же счастливо, как началось.

Но другое дело — сам Маколей. О нем следует сказать несколько слов, не совсем согласных с обыкновенными панегирическими отзывами. Не то, чтобы мы не любили Маколея, — напротив, невозможно не любить писателя, доставляющего столько наслаждения. Но дело в том, что нельзя восхищаться им почти безусловно, как делают очень многие, в том числе и г. Вызинский. Самая статья г. Вызинского доставит нам главные

материалы для разъяснения оснований, по которым наше восхищение Маколеем имеет свои границы.

Напрасно замечать, что Маколей обладал искусством писать чрезвычайно изящно, — в этом отдают ему справедливость и тори, не любящие его за либерализм (в котором обвиняют его напрасно), и прусские патриоты, страшно разобиженные непочтительною статьею его о Фридрихе Великом. Сверх великого таланта изложения, мы признаем за ним достоинства человека очень ученого, исследователя очень основательного, в которых совершенно несправедливо отказывают ему английские тори. Наконец, каждая страница, им написанная, свидетельствует, что он был человек с очень замечательной силой ума. Но посмотрим, какие заключения об этих его достоинствах надобно сделать по отзывам самих его поклонников.

Г. Вызинский справедливо удивляется «огромной массе знания, которою обладал» Маколей. Но по свидетельствам, приводимым у самого г. Вызинского, вникнем в характер этого знания. «Он мог бы удивить Кузена, цитую «Сугус» г-жи Скюдери»³ (предисл., стр. IV). Мы не наводили справок, на чьем показании основывается это уверение, что Маколей хранил в своей памяти пустейший из французских романов прошлого столетия, читать который утомительнее алгебры и бесполезнее сочинений маркиза Фудраса; но нельзя не верить этому факту, когда на странице LXXII читаешь слова одного из людей, «близко знавших» Маколея: «Имена всех пап, с апостола Петра до Пия IX⁴, имена всех архиепископов кентербёррийских, со времени основания этого архиепископства, равным образом фамилии и титулы всех канцлеров и министров Англии — он умел пересказать по пальцам». Г. Вызинский сообщает, что «г-жа Бичер Стоу подтверждает это свидетельство». Трудно решить, что похвальнее и полезнее: терять время на изучение романов г-жи Скюдери или помнить имена всех пап. Обыкновенно такие факты объясняют одною страшною силою памяти. Так, человек без особенной силы памяти не в состоянии блистать подобными знаниями. Но одной силы памяти тут еще мало: надобно поддерживать ее частым занятием. Скалигер знал наизусть «Илиаду», но ведь он, вероятно, каждый год по несколько раз перечитывал ее, иначе через три года после последнего чтения не мог бы припомнить половину стихов, как бы твердо ни знал их прежде. Мы знали юношу, который, много занимавшийся латинским языком, помнил почти всего Горация; через несколько времени он бросил латинский язык, и через пять лет не мог уже прочесть на память ни одной оды поэта, бывшего некогда его любимцем. Даже родной язык забывают люди, когда теряют случай говорить и читать на нем. Надобно полагать, что имена всех пап может помнить лишь человек, или специально занимающийся историею папства, да и то лишь в то время, пока пишет сочинения о папстве, или человек, не умеющий различать

важные знания от неважных, нужные от ненужных и беспрестанно читающий много такого, что бесполезно читать. Специальных сочинений о римской кафедре Маколей не писал и никогда не был намерен писать; стало быть, мы должны причислить его к людям, любознательности у которых больше, чем умения определять предметы, заслуживающие внимания. Впрочем, мы, вероятно, ошибаемся: надобно думать, что Маколей очень хорошо понимал, зачем твердит список пап, зачем изучает сочинения г-жи Скюдери. Рассказывают об одном беллетристе, будто бы он всегда имел при себе карандаш и тетрадку, в которую записывал, не теряя ни минуты, каждое эффектное выражение, каждое бойкое слово, какое попадалось ему на мысль или в ухо. Этот беллетрист — Марлинский, писатель с талантом, с умом, со всеми какими угодно достоинствами и лишь с одним недостатком, состоявшим в пристрастии к эффектному слогу. Судя по всем сочинениям Маколея, надобно сказать, что он читал и изучал всякий вздор с целью, походившею на цель тетрадки, повсюду сопровождавшей Марлинского: он все хотел украшать свой ум знаниями, нужными для украшения речи, для антитез, метафор, уподоблений, намеков, острот и всякого блеска. Кому недостаточно припомнить характер его изложения, чтобы убедиться в этом, того убедит следующее место из статьи г. Вызинского. Сказав, что Маколей говорил в парламенте удивительно прекрасные речи, г. Вызинский замечает, что он не играл, однакоже, важной роли в ходе парламентских прений, и в объяснение тому прибавляет: «При всем богатстве своего знания и свободе речи, он никогда не решался говорить без тщательного приготовления. Речи его были не что иное, как те же essays *, но сказанные изустно. Они еще более нравились в чтении. Главную прелесть их составляло множество исторических примеров и иллюстраций, ловко и искусно подобранных и прилаженных к современным вопросам. Это были не просто парламентские речи, а скорее блестящие публичные чтения о разных политических предметах. Палата всегда слушала Маколея с наслаждением, но следовала за Робертом Пилем и подобными ему вождениями прений». Скажите, пожалуйста, что это значит? Есть писатели, которые не могут стать замечательными парламентскими людьми по застенчивости или по неспособности говорить бойко, или по брюзгливости характера; таковы были Гиббон и Байрон. Но Маколей говорил свободно, легко и не был брюзгой. Что же мешало ему сделаться предводителем вигов, если он умел говорить лучше Пальмерстона и Росселя⁵? Мешало одно свойство характера или ума: Пальмерстон или Россель решаются говорить, что нужно, всегда, когда нужно; для них главное дело — самое дело; изящна или не изящна покажется их речь, для них все равно, — им хочется только, чтобы она оказалась пригодна для

* Опыты (литературная форма). — Ред.

дела. Они, конечно, умные люди, но не хотят казаться людьми, непохожими на обыкновенных смертных. У Маколей были другие мысли: ему казалось мало, если скажут, что он говорил дельно, что он способствовал успеху дела; ему нужно было, чтобы сказали: «его речь отличалась удивительным художественным изяществом»; мало было ему, чтобы сказали: «он хорошо понимает дело, он говорит умно»; — ему было нужно, чтоб сказали: «он обнаружил чрезвычайную ученость и начитанность, чрезвычайное искусство пользоваться богатствами своей учености». Есть женщины, которые являются в обществе, не набелившись и не нарумянившись; есть другие женщины, и даже очень красивые, которые не покажутся нам на глаза, не украсив себя косметическою разрисовкою. Нам кажется, что при всех своих несомненных достоинствах Маколей имел слабость, свойственную балетным танцовщицам.

Были люди великого ума, страдавшие тою же слабостью и лишившие через нее свои сочинения большей части цены в глазах потомства. Говорят, например, будто бы Корнель и Расин имели великие поэтические таланты; из умных людей нынешнего поколения никто не в состоянии решить, правда ли это, потому что никто не может читать их произведений без тяжелого усилия, отрицающего всякую возможность эстетической оценки. Но их ошибочное направление извинялось фальшивым вкусом той эпохи. Маколей не имеет подобного оправдания: он действовал в эпоху, полную живых стремлений, предпочитавшую дело фразе, простоту всяким украшениям. Влияние эпохи отразилось на нем не во вред ему, а в пользу: оно удержало его от чрезмерной цветистости, от слишком приторных риторических прикрас. Говоря о нем, можно в подражание знаменитому афоризму сказать: «*saeculi, non hominis virtus*» *. Вы постоянно видите, что лично он всячески хлопочет об эффекте, но строгая и дельная простота вкуса эпохи сдерживает его риторические порывы, и он остается в пределах здравого смысла, не нарушает логических требований. Вы постоянно чувствуете, что ему приятно было бы сбросить эти стеснительные для него узы, но они слишком тяжелы и крепки. Нет народа, который писал бы таким простым и безыскусственным языком, как англичане. Маколей спасся от ламартиновских ⁶ и шатобриановских словоухищрений только тем, что писал для английской публики, в которой Карлейль непопулярен за ухищренность слога. Маколей хотел быть популярен, потому принужден был соблюдать умеренность в своей реторике.

Но в эпоху дельную, живую, не любящую пустых прикрас, пристрастие к реторике бывает признаком или некоторой нездоровости ума, как, например, у Карлейля, или того, что ум писателя ниже собственно беллетристической стороны его способностей.

* Достоинство века, а не человека. — *Ред.*

Маколей нельзя назвать человеком с болезненным направлением ума, каков Карлейль: никогда не найдете вы у Маколей диких выходов, нелепостей, никаких признаков мономании, чем всем изобилует Карлейль; напротив, о чем бы ни говорил Маколей и в каком бы духе ни говорил, в справедливом или в ошибочном, он всегда говорит чрезвычайно рассудительно, предусматривает всякое возражение, старается предотвратить его сдержанностью и обдуманностью формы, в какой выражает свою мысль, делает всевозможные уступки и оговорки, словом сказать — он всегда вполне владеет собой. Если такой писатель считает слишком важным делом блеск изложения, то надобно заключить, что способность к блестящему изложению действительно составляет главную его силу, что он родился не столько мыслителем, как художником. Оно и в самом деле так. Нет никакой возможности спорить против того, что Маколей заслужил свою чрезвычайную знаменитость. Но если вы читаете его с наслаждением; если все, что он хочет сказать вам, умеет он сказать превосходно; если он очень живо передает вам те черты эпохи, с которыми хочет знакомить вас, очень ярко обрисовывает события и лица; если вы узнаете от него чрезвычайно много интересного и даже серьезно-важного, то можно ли сказать, однако, чтобы его воззрение имело какую-нибудь оригинальность, чтобы выносили вы из всех его сочинений какую-нибудь общую мысль или хотя начинали понимать яснее прежнего какую-нибудь сторону человеческой жизни? В частности он может сообщить вам много полезного. Быть может, вы считали Кромвеля отвратительным лицемером и злодеем, — Маколей объяснит вам, что Кромвель — великий человек; быть может, вы не знали, как согласить благородный патриотизм Макиавелли с провозглашением вероломства за лучший принцип политической деятельности, — Маколей покажет вам, как произошло такое странное сочетание высоких стремлений с отвратительными правилами; быть может, вы сомневались, следовало ли англичанам допускать евреев в парламент, — Маколей докажет вам, что это дело хорошее, и т. д. и т. д. Не говорим уже о том, что из него с удовольствием узнаете вы фактические подробности событий, с которыми до него были знакомы лишь немногие специалисты. Все это так; но скажите, чем отличается взгляд Маколей на английскую историю от взгляда, вот уже полтораста лет господствующего у всех английских писателей партии вигов? Кое в чем Маколей не соглашается с Галламом, кое в чем с Макинтошем⁷, — нельзя же без этого; не могут же два человека думать совершенно одинаково о каждом факте. Но из мысли Маколей, сколько-нибудь важных, нет ни одной, которая не была бы в голове каждого вига, которую нельзя было бы смело приписать кому угодно из них, писавшему об английской истории. Еще менее можно найти у Маколей какое-нибудь определенное и лично ему принадлежащее воззрение на

историю вообще. Вот, например, чтобы не ходить далеко за сравнениями, укажем на его соотечественника Бёкля, о котором теперь начинают очень много говорить. Вся книга Бёкля проникнута самобытною мыслью, что ход истории определяется ходом научных исследований, что «сумма событий определяется суммой знаний»⁸. Справедливо или несправедливо такое воззрение, справедливо оно без всяких ограничений, как думает Бёкль, или только с большими ограничениями, об этом каждый может судить по своему; но бесспорно то, что проведением такого взгляда через изложение фактов Бёкль или приближает историческую теорию к истине, или, по крайней мере, возбуждает других ученых к исследованиям, которые должны приблизить ее к истине. У Маколея напрасно будете искать чего-нибудь подобного. Справедливы или несправедливы мысли Маколея об истории Англии, он не высказал ни одной сколько-нибудь важной мысли, которая не принималась бы всеми исследователями к соображению и до него. Можно быть последователем понятий Бёкля, можно быть учеником Гизо, Тьерри, Нибура. Но в чем можно быть учеником Маколея? В манере изложения, — это так; но в способе понимания вещей, — это невозможно, потому что в способе понимания нет у него ничего, — справедливого или ошибочного, — что составляло бы его особенность. Пишите картинно, изучайте подробности, ройтесь в архивах, чтобы собирать черты для ярких картин, для живых портретов, — вот вещи, в которых вы можете стать учеником Маколея. Что еще может внушить он нам? разве охоту хвалить вигов; но ведь этому учит не он, учит каждый писатель партии вигов. Нельзя сказать, чтоб мысли Маколея были бесцветны, — нет, они очень определенного цвета. Но этот цвет — цвет мундира или кокарды; он принадлежит не индивидуальному человеку, а целому огромному разряду людей. Вы видите представителя известной партии, но что за человек сам по себе этот представитель, вы не видите. Мы ошиблись: вы видите, что он человек ученый, очень умный и, главное, умеющий превосходно писать.

Эта бесхарактерность мысли, при высокой оригинальности изложения, лишает нас возможности говорить собственно об убеждениях Маколея, — можно говорить только об убеждениях вигистской партии, мастерски излагаемых им в применении к историческим событиям и лицам.

Читателю известна общая история партии вигов. В конце XVII века вигами назывались все без исключения люди, хотевшие утвердить господство парламента в управлении Англией. Для этого пришлось им начинать переменной династии. Тогда всякий был виг, кто не хотел пожертвовать двору Стюартов парламентскою властью; один был аристократ, другой — демократ, один — конституционист, другой — республиканец, — это было все равно, все сходились в одном желании — низвергнуть

Иакова II. После передачи власти Вильгельму III и потом, по провозглашении ганноверской династии, долго связывала всех этих разномыслящих людей общая мысль, чтобы не возвратились Стюарты. Потом, когда ганноверская династия совершенно укрепилась, перестала бояться Стюартов, она обнаружила стремление расширить свою власть, вдалась в попытки подчинить парламент двору. Общая опасность продолжалась для вигов и продолжала соединять все оттенки либерализма под знаменем вигов. Потом начались войны с Францией⁹, надолго отвратившие массу народа от либеральных идей. По прекращении войн несколько лет шла борьба за то, чтобы отнять господство над государством у тори, прикрывавших тогда парламентскими формами принципы, очень близкие к тому, что на континенте называется легитимизмом. Таким образом до недавнего времени вигизм означал просто либерализм. Но к тому времени, с которого началась деятельность Маколея, положение дел изменилось. Власть парламента была окончательно утверждена. Сами тори со времени Кеннинга решительно стали парламентаристами¹⁰. Англия в последние тридцать или тридцать пять лет, называясь конституционной монархией, была на самом деле уже республикою, в которой законодательная власть вся принадлежит двум палатам или, точнее сказать, почти исключительно палате общин; палата лордов не имеет силы останавливать ни одного важного решения палаты общин и может лишь затягивать неважные дела, окончательно развязкою которых не интересуется палата общин. Утверждение парламентских актов королевскою властью сделалось чистой формою: на факте королевское утверждение значит согласие министерства, а министерство назначается палатою общин и сменяется ею по произволу, — то есть опять-таки на факте, потому что по форме дело происходит иначе: министры избираются лицом, которому король или королева поручит составление министерства; но поручается это непременно предводителю большинства палаты общин; никто другой и не берется за это поручение или через несколько часов отказывается от него, когда, переговорив с членами палаты общин, увидит, что большинство не согласно поддерживать кабинет, какой мог бы он составить. Образование нового министерства бывает всегда следствием совещаний партии, имеющей большинство в палате общин: она распределяет все должности в кабинете, а лицо, называющееся составителем нового кабинета, служит только исполнителем решений, принимаемых в этом деле партию. При первом желании большинства изменить кабинет он изменяется. Таким образом министерство, управляющее государством, составляют поверенные большинства палаты общин, поставленные в необходимость передавать власть, по первому желанию большинства, лицам, которых оно захочет назначить на их места. Во всех важных административных делах министры даже формально спрашивают утверждения палаты общин. Они

пользуются громадною властью, но пользуются ею лишь по поручению палаты общин, лишь как ее агенты или уполномоченные. В этом решительном переходе министров из-под власти двора под исключительную власть палаты общин и состоит сущность того, что мы называем окончательным утверждением конституционного управления в Англии. Когда совершенно установился такой порядок дел, когда торийская партия отказалась от всякой мысли о возвращении времен Карла II и Иакова II, положение либеральной партии в Англии изменилось. Прежде вся она соединялась надобностью бороться против тори для устранения из английского устройства элементов, несогласных с конституционным правлением. Теперь тори стали такими же усердными приверженцами его, как и либеральная партия, и ей представлялось два выбора: или успокоиться на упрочении порядка, утверждение которого было прежде главною целью ее усилий, или обратит свои заботы на достижение других целей, заботиться о которых не было ей досуга прежде. Разумеется, разные оттенки либеральной партии сделали различный выбор. Одна половина ее удовлетворялась торжеством прежних стремлений, которое было упрочено парламентскою реформою 1832 года, — эти люди сохранили прежнее название вигов. Другая половина либеральной партии стала говорить, что все ее прежние успехи должны считаться только средством к совершению новых реформ, — эти люди известны теперь в Англии под именем радикалов. По недавним преданиям о дружном действовании, нынешние виги и радикалы еще сохраняют между собой многие связи, но по существующим отношениям они расходятся друг с другом гораздо больше, чем нынешние виги с нынешними тори. Вигам и тори одинаково кажется, что надобно сохранить основные черты существующего устройства, и если должны быть производимы постепенно какие-нибудь преобразования, то реформы эти должны касаться лишь второстепенных подробностей, а коренное изменение существующего устройства было бы вредно. Радикалы, до сих пор еще слабые в палате общин, но имеющие на своей стороне всю небогатую часть среднего сословия и всю ту часть простого народа, которая интересуется общественными делами, хотят таких преобразований, которыми должны измениться самые основания существующего порядка. Коснемся лишь одной черты разноречия, самой важной. По парламентской реформе 1832 года большинство членов палаты общин избирается, как прежде, под влиянием аристократии. По мнению вигов и тори, так и следует остаться этому делу. Но большинство публики расположено в пользу новой парламентской реформы. Тори открыто говорят, что никакая реформа не нужна, и если в прошедшем году они представляли проект реформы, то прямо заявляли, что уступают в этом случае прискорбному для них заблуждению общественного мнения. Виги предпочитают другой язык: они уверяли себя и публику, что они желают

реформы. Но, сравним их проект с торийским проектом, мы не найдем между ними большой разницы в существенных пунктах. По обоим проектам сохранялась нынешняя чрезвычайная несоразмерность между числом населения избирательных округов и числом посылаемых ими депутатов. По проекту вигов предполагалось сохранить ту нынешнюю черту, что какие-нибудь десять ничтожных местечек, не имеющих в совокупности и 100 тысяч жителей, посылают в палату общин больше представителей, чем Лондон с его тремя миллионами населения. Местечки эти сохранялись потому, что находятся в зависимости от местных аристократов. Точно так же в проекте вигов удерживался нынешний способ выборов посредством открытой подачи голосов, при которой фермеры и другие зависимые люди необходимо должны выбирать кандидата, которого рекомендует им землевладелец. В этих основных чертах проект вигов был сходен с торийским. Мало того, ход парламентских прений обнаружил, что виги обманывали сами себя, думая, будто расположены хотя к какой-нибудь парламентской реформе: свой собственный проект они защищали очень холодно, охотно поддавались торийской тактике, замедлявшей ход прений о нем, и бывали принуждаемы формально признавать, что предлагают реформу лишь по внешнему настоянию, а не по собственному стремлению. Точно так же, как и тори, они вынуждены были к этой неприятной уступке лишь тяготением общественного мнения, возбужденного радикалами в конце 1858 года, и, подобно тори, с радостью бросили неприятное дело, когда общественное мнение, развлеченное заботами о внешних отношениях, перестало вынуждать реформу. Во всех важных вопросах внутренней политики, как в вопросе о парламентской реформе, нынешние виги — такие же консерваторы, как и тори; обе партии, прежде враждовавшие, сходятся теперь во всем существенном.

Но эти нынешние консервативные виги наследовали имя, которое прежде было равнозначительно имени прогрессистов; вместе с именем они наследовали и предания старинных вигов; они говорят, что они преемники Росселя, казненного при Стюартах, и Фокса¹¹. Эти воспоминания нисколько не мешают им в парламентской деятельности; прежние виги времен Фокса и его предшественников или вовсе еще не занимались вопросами, в которых нынешние виги разошлись с прогрессивною партией, или не имели возможности придавать этим вопросам первостепенную важность, потому что на первом плане стояли тогда другие вопросы, ныне уже решенные. Повторяя по этим решенным вопросам мнения прежних вигов, нынешние виги имеют полную свободу рассуждать как хотят о новых вопросах, выдвинувшихся на первый план только в последние десятилетия.

Но если в государственной практике нынешние виги ничего не теряют от мысли о себе, будто бы о действительных наслед-

Никах стремлений прежних вигов, то фальшивость их положений обнаруживается, когда они от практики обращаются к теоретическим трудам. В парламенте ведется речь о надобности или ненадобности, о возможности или невозможности, — тут очень удобно говорить, что и для нынешнего века границы надобного и возможного совпадают с границами, существовавшими сто лет тому назад; тут очень удобно говорить: мы держимся программы Фокса, защищаем все, что защищал он, и не изменяем ему, когда не делаем того, чего не делал он. Но в науке над всеми мыслями должна господствовать логика; в науке факты обобщаются; из частных требований и отношений известного деятеля или известной партии выводится общий характер воззрений и стремлений этого человека, этой партии, и требуется, чтобы вы или разрешали текущие вопросы в том же духе, или порицали тех исторических деятелей, в духе которых не хотите вы разрешать современные вам вопросы. Тут несообразность претензии нынешних вигов на верность либеральным преданиям с нынешним образом их действий выказывается очень ярко. Она отразилась на произведениях Маколея.

Каковы были его мнения о политических вопросах, занимающих ныне умы в Англии, вполне обнаруживается знаменитым, напечатанным после его смерти, письмом его к одному североамериканскому гражданину об американских учреждениях. Приводим письмо по переводу, помещенному в статье г. Вызинского [23 мая. 1857 г.]:

Вы удивились, узнавши, что я не имею слишком высокого мнения о Джефферсоне, а я удивляюсь вашему удивлению. Я уверен, что я никогда не написал ни одной строки, и никогда ни в парламенте, ни в частном разговоре, ни даже на густингсах*, на которых господствует обыкновение льстить массе, не сказал ни одного слова в пользу того мнения, что высшая власть в государстве должна быть вверена большинству граждан, считаемых поголовно, то есть иными словами, самой бедной и невежественной части общества. Я всегда был убежден, что учреждения чисто демократические, раньше или позже, должны уничтожить свободу или цивилизацию, или и то и другое вместе.

В Европе, где народонаселение густо, следствия таких учреждений обнаружались бы почти мгновенно. То, что произошло во Франции, может послужить примером...

Вы полагаете, что ваша страна (Соединенные Штаты) пользуется изъятием от подобных зол. Я признаю откровенно, что мое мнение совершенно другое. Судьба вашей страны неизбежна, хотя она и отсрочена вследствие физической причины. Пока вы будете иметь огромные пространства плодородной и незанятой почвы, ваше рабочее народонаселение будет пользоваться гораздо большим благосостоянием и довольством, чем рабочее народонаселение Старого Света; и пока будут продолжаться эти отношения, политическое устройство Джефферсона может существовать, не производя никаких бедствий; но придет время, когда новая Англия будет так же густо заселена, как и старая Англия. Заработная плата будет так же низка и будет так же колебаться у вас, как и у нас. Вы будете иметь ваши Манчестеры и ваши Бирмингамы, и в этих Манчестерах и Бирмин-

* Избирательных собраний. — Ред.

фамах сотни тысяч работников, вероятно, найдутся иногда без работы. Тогда-то наступит час испытания для ваших учреждений. Бедствие везде делает работника недовольным и наклонным к мятежу; он с жадностью слушает агитаторов [, которые говорят ему, до какой степени несправедливо и неестественно, чтобы один человек имел миллионы, а другой не знал, чем пообедать] . У нас, в другой год, бывает много ропота, а иногда и несколько мятежа; но это не так важно, потому что у нас те, которые страдают, не управляют государством. Высшая власть находится в руках класса, правда, многочисленного, но избранного, класса образованного, класса, который сильно заинтересован в безопасности собственности и поддержании общественного порядка. Поэтому недовольные бывают усмиримы не слишком строгими, но решительными мерами. Дурное время проходит без ограбления богатых в пользу неимущих. Источники народного благосостояния скоро опять открываются, работа является в изобилии, заработная плата повышается, и опять водворяется спокойствие и всеобщее довольство. Я видел, как Англия три или четыре раза проходила такие критические времена. Через подобные кризисы Соединенные Штаты должны будут проходить в следующем столетии или, может быть, еще в нынешнем. Как вы вывернетесь из них? Я от души желаю вам успешного исхода. Но мой разум и мои желания противоречат друг другу, и я не виноват, что предвижу самое худшее. Ясно как солнце, что ваше правительство никогда не будет в состоянии усмирить бедствующее и недовольное большинство, потому что у вас правительство есть именно это большинство, и оно держит совершенно в своей власти богатых, которые всегда составляют меньшинство. Придет время, когда в Нью-Йоркском штате станет избирать законодательное собрание толпа людей, из которых ни один не будет иметь более чем половину завтрака и не будет ожидать более чем половину обеда. Возможно ли сомневаться, какого рода законодательное собрание выберут эти люди? Вот, с одной стороны, государственный человек, который проповедует терпение, уважение приобретенных прав, строгое соблюдение публичной честности. Вот, с другой, демагог, который декламирует о тирании капиталистов и лихоимцев и спрашивает, можно ли допустить, чтобы кто-либо пил шампанское и ездил в карете в то время, когда тысячи честных людей лишены самого необходимого? Кого же из этих двух кандидатов, предполагать нужно, предпочтет работник, который слышит, как его дети кричат: «хлеба»? Я серьезно опасюсь, что в такие времена злополучия у вас могут произойти дела, которые сделают невозможным возвращение прежнего благосостояния. Или какой-нибудь Цезарь, или Наполеон захватит кормило правления в свою крепкую руку; или же ваша республика будет так страшно разграблена и опустошена варварами в XX столетии, как Римская империя разграблена и опустошена была в V столетии; но с тою разницею, что гунны и вандалы, которые разоряли Римскую империю, пришли извне, а ваши гунны и вандалы будут порождены в вашей собственной стране вашими собственными учреждениями.

Будучи такого мнения, я, разумеется, не могу причислить Джефферсона к благодетелям человечества.

Мы выписали это письмо целиком для того, чтобы каждый мог сличить наши заключения и слова Маколея, на которых они основываются. Есть разные способы доказывать невозможность демократических учреждений для той или другой страны в известное время, — Маколей говорит не о том: он доказывает, что демократические учреждения вообще вредны, вредны по своей сущности. Бывают исключительные обстоятельства, в которых вредная вещь оказывается бессильною вредить. Так, например, мышьяк не убьет человека, если человек запьет его огромным

Количеством молока; укушение бешеной собаки не испортит человека, если тотчас же прижечь рану раскаленным железом. Точно так Северо-Американские Штаты еще не погублены своими демократическими учреждениями лишь потому, что имеют от этого яда слишком сильное противоядие в громадном пространстве незанятых земель. Северная Америка — еще пустыня, лишь слегка заселенная по прибрежью. Мало ли какие безрассудства проходят людям безнаказанно в пустыне? Житель пустыни может не иметь замков на дверях, может не иметь плана на свой участок, может, закрыв глаза, стрелять из ружья во все стороны, — и его пули никому не повредят, об его участке никто не заведет с ним тяжбы, его имущество не будет украдено, потому что нет вокруг него людей, которым он мог бы повредить своим безрассудством или которые могли бы воспользоваться его безрассудством. Северо-Американские Штаты еще полудикая страна, — мало ли делается в полудиках странах таких вещей, которые губительны были бы в благоустроенном обществе? В Северной Америке выжигают траву, чтобы удобрить поле, выжигают лес, чтобы приобрести поле; но скажите, разве можно назвать такие способы хозяйства пригодными для страны, порядочно цивилизованной? Пустынностью, дикостью Северной Америки объясняется возможность людям жить в ней с демократическими учреждениями, не погибая от них. Но эта возможность не будет длиться много времени. Северная Америка быстро населяется и скоро войдет в нормальное положение. Каково же нормальное положение цивилизованных стран?

Маколей обрисовывает его чертами очень определенными. Масса народа лишена всякого недвижимого имущества; она вся состоит из наемных работников, живет со дня на день рабочей платой; плата эта мала; масса терпит нужду и не знает, будет ли иметь завтра работу и пищу. Опасения остаться без хлеба часто сбываются, и сотни тысяч отцов семейств слышат тогда крик голодных детей. Есть люди, думающие, что демократические учреждения не могут действовать правильным образом при таком положении массы. Маколей говорит не то: он говорит, что эти учреждения никогда не могут действовать правильным образом ни в какой стране, не похожей на пустыню; он говорит, что очерченное им положение дел неизбежно. Просим заметить эту разницу: она такова же, как разница между словами: «в некоторых случаях» и «всегда». Если работники пьянствуют, они не могут быть зажиточны — это одна мысль; но совершенно другая будет мысль, если сказать: работники не могут быть зажиточны, потому что всегда пьянствуют. В стране, где положение массы бедственно, никакие учреждения не могут действовать хорошо, да и ничего серьезно хорошего не может быть, — кто этого не знает? Об этом не стоило писать письмо; мысль письма другая: кроме пустынных стран, во всех странах масса неизбежно должна бедствовать.

А если во всех населенных странах масса должна бедствовать по закону необходимости, не отвратимому человеческими силами, то вывод, конечно, ясен. Человек бедствующий склонен обольщаться словами обманщиков, обещающих ему деньги или хлеб, если он доставит им власть. Потому масса должна быть лишена влияния на общественные дела.

Все это совершенно так по системе, ныне называющейся ви-гизмом и не отличающейся ничем существенным от торизма. Но торизм откровенно остается верен правилам здравого рассудка: верны или неверны, хороши или дурны его принципы, не о том мы говорим здесь, — мы говорим, что он откровенно принимает правила, вытекающие из его принципов. По своему бедственному положению масса, готовая за кусок хлеба или даже за обещание куска хлеба продать себя каждому честолюбцу, должна быть устранена от влияния на общественные дела. Но достигается ли эта цель только тем, что общество будет ограждено от зловерных демократических учреждений? Этого мало. Пусть «те, которые страдают, не управляют государством»; «пусть высшая власть находится в руках класса избранного, класса образованного, класса, который сильно заинтересован в безопасности собственности и в поддержании общественного порядка». Всего этого еще мало. «Избранный класс», как бы ни был «многочислен», всегда бывает очень малочислен сравнительно с массою, — иначе он и не был бы «избранным». Какими же средствами это меньшинство будет удерживать в покорности себе массу? Тут возможно вообразить два случая. Масса может повиноваться нравственному влиянию меньшинства, добровольно слушаться его наставлений, — в таком случае все равно, исключена ли она от формального участия в общественных делах или имеет его; хотя «законодательное собрание избирается толпою», избираются люди, соответствующие идеям меньшинства, потому что масса руководится его советами. В этом случае «власть» одинаково «находится в руках класса избранного» и при аристократических и демократических учреждениях. Но не об этом случае говорит Маколей: мы видели, что такой случай он считает невозможным в странах, вышедших из состояния пустынности. Он говорит о «ропоте», мятеже, «об усмирении недовольных», об охране страны от «разграбления и опустошения гуннами и вандалами, порожденными» в самой стране. А если так, решение дела зависит уже не от существующих законов, а прямо от материальной силы. Если меньшинство, «заинтересованное в безопасности собственности и поддержании общественного порядка», при желании большинства «разграбить и опустошить» страну, имеет в руках своих материальную силу «усмирить бедствующее и недовольное меньшинство», порядок будет поддержан при каком угодно составе «законодательного собрания»; дело приняло такой оборот, что остановить его можно только вооруженною силою; оно решается

не «законодательным собранием», а войском, не декретами, а штыками и картечью. Так оно и решено было, например, во Франции, на которую ссылается Маколей. В июне 1848 года победа осталась за законодательным * собранием, потому что оно имело на своей стороне вооруженную силу; в декабре 1851 года законодательное собрание было уничтожено, потому что вооруженная сила находилась в руках его противников¹². Характер учреждений в обе эпохи был одинаков, но исход дела для законодательного собрания совершенно различен. Разделяя мнение Маколей о необходимости, чтобы «власть принадлежала избранному классу», по «наклонности работника к мятежу», тори справедливо выводят из этого принципа заключение, что избранное меньшинство не должно довольствоваться одним законодательным существованием учреждений, дающих ему власть, потому что этой одной гарантии слишком недостаточно, — оно должно также иметь всегда наготове вооруженную силу для усмирения беспорядков, а для предотвращения беспорядков должно постоянно держать «страдающую» грубую массу под властью вооруженной силы. Маколей твердит о «свободе и цивилизации», для сохранения которых необходимо теперь англичанам и скоро будет необходимо северо-американцам «усмирять большинство»; соображая условия и средства, нужные для достижения цели, указываемой Маколеем, тори находят и прямо высказывают, что «свобода и цивилизация» должны основываться на вооруженном господстве «избранного меньшинства».

Тори никогда не противоречат сами себе; ни в каких случаях не изменяют своему образу мыслей. Но у виггов совершенно не то: вопросы, совершенно одинаковые, решают они в смыслах противоположных. В пример возьмем хотя статью Маколей о предоставлении государственных прав английским евреям. Положение дела было совершенно сходно с делом о предоставлении избирательного права классам, против которых направлено приведенное нами письмо. Сословия, не имеющие в Англии права голоса на выборах, лишены только так называемых политических прав, а гражданскими правами пользуются они вполне. Точно так же вполне пользовались гражданскими правами английские евреи, когда не допускались в палату общин и в государственную службу. Тори, не хотевшие давать им политических прав, утверждали, что предоставить им участие в политической власти было бы вредно. Посмотрите же, как усердно доказывает Маколей, что подобное ограничение вовсе не достигает своей цели:

В действительности евреи и теперь не лишены политической власти. Они имеют ее и, пока будут пользоваться правом накапливать большие богатства, они не могут не иметь ее. — Какая власть в образованном обществе сильнее власти кредитора над должником? Если мы отнимем эту

* Описка, надб читать: учредительным. — Ред.

власть у еврея, то нарушим безопасность его собственности. Если же оставим ее, то оставим через это в его руках власть гораздо более обширную, чем власть короля и всего его кабинета. — Предоставить еврею заседать в парламенте было бы безобразно. Но еврей может добывать деньги, а деньги могут делать членов парламента. Что еврей может иметь в руках своих самую сущность законодательной власти, что он может располагать головами при подаче мнений, — это совершенно в порядке вещей. Но чтобы он мог сесть на эти таинственные подушки зеленого сафьяна, это было бы осквернением святости, достаточным для навлечения погибели на страну. Чтобы еврей был тайным советником (министром) у христианского короля, это было бы вечным позором для нации. Но еврей может управлять биржею, а биржа может управлять светом. Министр может не решаться на свою финансовую систему, пока не переговорит наедине с евреем. Росчерк еврея на обороте куска бумаги может стоить более, чем национальный кредит. Но чтобы еврей поставил перед своим именем «достопочтенный» (титул членов палаты общин), было бы самым ужасным бедствием для нации. — Таким же образом рассуждали некоторые из наших политиков об ирландских католиках. Католики не должны иметь политической власти. Солнце Англии навсегда зайдет, если католики будут иметь политическую власть. Дайте католикам все остальное, но не допускайте их до политической власти. Эти мудрые люди не понимали, что раз все остальное дано, то дана и политическая власть. Они повторяли свою песнь кукушки и тогда, когда уже перестало быть вопросом: должны ли католики иметь политическую власть, или нет; когда католическая лига поругалась над парламентом и католик-агитатор имел несравненно более влияния, чем лорд-наместник. — Если мы обязаны устранить евреев от политической власти, то мы обязаны так же и обращаться с ними, как обращались наши предки: убивать, ссылать и грабить их. Ибо этим путем, и одним только этим путем, мы можем на самом деле лишить их политической власти. Не приняв же этого образа действий, мы можем только отнять у них тень власти, но должны оставить (у них) самую сущность ее. Мы можем сделать достаточно, чтобы обидеть и раздражить их, но не можем сделать столько, чтобы оградить себя от опасности, если опасность в самом деле существует (стр. 304—306).

Посмотрите, он становится на точку зрения, с которой письмо его к северо-американцу оказывается ни больше, ни меньше, как смешным. Каков смысл рассуждений, сейчас выписанных нами? Участие в государственной власти, влияние на общественные дела зависят не от того, получено ли известными лицами или известным сословием формальное участие в формальных актах управления, — оно зависит просто от того, находятся ли эти лица или это сословие в таком положении среди общественной жизни, чтобы иметь реальное значение в ней. Между английскими евреями находятся люди, имеющие в своих руках одну из важнейших общественных сил — богатство; а если так, продолжает он, то напрасно ожидать, что они могут быть отстранены от влияния на государственные дела Англии какими бы то ни было законами о составе палаты общин или о государственной службе. Вы не хотите, чтобы еврей был членом палаты общин; но, имея деньги, он склонит избирателей выбрать в палату человека, который будет подавать голос точно в том смысле, в каком подавал бы его исключаемый вами из палаты еврей. Вы не допускаете, чтобы еврей мог стать министром финансов. Но если еврей хорошо

Знает финансовые дела, министр финансов будет действовать по его указанию; а если еврей господствует на бирже, то он господствует над финансовыми операциями министра. Дело не в том, предоставлено ли формальными условиями влияние на государственную жизнь; дело в том, находится ли сила иметь такое влияние; если она находится, то обнаружит свое действие, каковы бы ни были формальные условия.

Маколей доказал, что исключить евреев из участия в государственных делах Англии невозможно, хотя бы и было полезно. Но было ли бы это полезно, если бы и было возможно? Торри, не допуская евреев до государственной службы и в палату общин, утверждали, что евреи — дурные английские граждане, что они могут желать вреда английскому королевству, — словом сказать, что они составляют класс людей, имеющих интересы, противоположные интересам сословий и лиц, управлявших Англией и издававших для нее законы в те времена, к которым относится этот спор. Маколей доказывает, что такое мнение об английских евреях не совершенно справедливо, и прибавляет, что если оно отчасти справедливо, то все-таки лекарством против зла было бы не устранение евреев от политических прав, — этим способом зло только увеличивается, — а предоставление им политических прав, которое одно может сделать их из вредных граждан полезными, из неприязненных — благорасположенными.

Если еврей не почувствовал к Англии детской привязанности, то это потому, что сама Англия обращалась с ними, как мачеха. Нет другого чувства, которое вернее развивалось бы в сердцах людей, живущих под сколько-нибудь порядочным правительством, как чувство патриотизма. С тех пор, как существует мир, еще не было такой нации или значительной части какой-нибудь нации, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, следовательно, за основание для обвинения какого-нибудь класса людей недостаток в них патриотизма есть самая избитая уловка софистов. Это — логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья в отравлении его источника (стр. 308). Английские евреи, сколько мы можем видеть, являются именно такими, какими их сделало правительство. Они представляют собой именно то, что представляла бы всякая секта или чем был бы всякий класс людей при таком обращении, какому подвергаются евреи. Если бы, например, все рыжеволосые люди в Европе подвергались в течение многих веков оскорблениям и угнетениям; если бы изгоняемы из одного места, в другом — подвергаемы заключению; если бы у них отнимали деньги, вырывали зубы, обвиняли по самым слабым уликам в самых неправдоподобных преступлениях, волочили на конских хвостах, вешали, пытали, сожигали живых; если бы и после смягчения нравов люди эти продолжали подвергаться унижительным стеснениям; если бы повсюду они были устраняемы от общественных должностей и почестей, — каков был бы патриотизм джентльменов с рыжими волосами? И если бы при этих обстоятельствах сделано было предложение о допущении рыжих людей к должностям, — какую поразительную речь мог бы сказать красноречивый поклонник старинных наших учреждений против столь революционной меры! «Эти люди, — мог бы он сказать, — едва ли считают себя англичанами. Они считают рыжего француза или рыжего немца более близким себе, чем черноволосого человека, родившегося в их собственном приходе. Если чужой монарх покровитель-

ствуется рыжим волосам, то эти люди любят его более, чем своего природного короля. Они — не англичане; они не могут быть англичанами; это запрещено природой; опыт доказывает, что это невозможно. Права на политическую власть они вовсе не имеют, ибо никто не имеет права на политическую власть. Пусть они пользуются личной безопасностью; пусть их собственность находится под защитой закона. Но если они станут домогаться участия в управлении общиной, которой они только вполовину члены, общиной, которой конституция существенно черноволосая, то мы можем ответить им словами наших мудрых предков: *nolumus leges Angliae mutari** (стр. 310).

[Надобно только поставить в этих рассуждениях фразу «английские работники» вместо фразы «английские евреи», и рассуждения, выписанные нами, в точности применяются к предмету, о котором рассуждает Маколей в письме к северо-американцу. Английские работники не чувствуют расположения к системе, существующей в Англии; но это потому, что сама английская система «обращалась, как мачеха». Поэтому «принимать за основание для обвинения» этого «класса людей» «недостаток в них расположения к нынешней английской системе» есть самая избитая уловка софистов. Это — логика волка относительно ягненка! Это все равно, что обвинять устье ручья в отравлении его источника. Английские работники «являются именно такими, какими их сделало правительство». За этим мы повторяем всю прекрасную параболу о чувствах, какие стали бы развиваться в рыжеволосых людях, если бы они были лишены политических прав за рыжий цвет волос, и говорим вслед за Маколеем: точно такие же чувства необходимо должны развиваться в английских евреях или в английских работниках, когда они признаются неспособными к политическим правам за принадлежность к сословию работников или за еврейское происхождение. Если люди того или другого имени — дурные английские граждане, в этом виноваты английские правители, и — продолжаем подлинными словами Маколея, находящимися у него на тех же страницах, с которых сделана нами последняя выписка:

«Нельзя дозволить правителям слагать с себя таким образом важную ответственность. Не им говорить, что какая-нибудь секга» (или какое-нибудь сословие) «не имеет патриотизма» (или интереса в безопасности собственности и поддержании общественного порядка, по выражению, употребленному Маколеем в письме к северо-американцу). «Их дело — внушить ей (ему) патриотизм» (интерес к безопасности собственности и поддержанию общественного порядка). «История и здравый смысл ясно указывают на средства к этому» (стр. 309.)

В чем заключаются эти средства, Маколей разъясняет всей своей статьей о евреях: они заключаются в предоставлении государственных прав.]

Каким образом один и тот же человек, не изменявший себе

* «Не желаем изменять законы Англии». — *Ред.*

никогда, мог написать и страницы, приведенные нами из статьи о евреях, и письмо к северо-американцу? Как он не заметил, что сам опровергает себя? Ответ заключается в одном слове: автор письма к северо-американцу и статьи о евреях был виг. Это значит: он был человек, по преданию продолжавший повторять прогрессивные убеждения, а на деле бывший консерватором. Предоставлением политических прав евреям не производилось на деле никакой важной перемены в существовавших отношениях; в этом случае консервативные интересы молчали и не мешали проявлению следов прежней прогрессивности.

Такова сущность нынешнего английского вигизма: быть прогрессивным в мелочах, не имеющих важности в государственной жизни; быть консервативным во всем важном. Читатель понимает, что мы вовсе не хотим высказывать этим симпатии или антипатии к вигизму. Мы хотим только определить его сущность. Мы не знаем и не хотим знать, полезное или вредное влияние имеют виги на ход общественной жизни в Англии. Мы говорим о вигизме, как общественном принципе, только для того, чтобы разъяснить характер воззрений Маколея на человеческие дела.

Зная теперь, какую роль играет в его убеждениях прогрессивный элемент, мы имеем полное право опровергнуть тех, которые захотели бы, обманувшись некоторыми отдельными строками или тирадами Маколея, видеть в нем писателя, стоявшего на стороне радикального либерализма. Правда, у него есть места, которые могут быть перетолкованы в либеральном смысле, если будут вырваны из связи текста; но должно будет только сообразить, к каким фактам относит он сам эти слова, какое консервативное ограничение получают они от предмета его речи, и увидим, что они не мешают оставаться ему писателем консервативным. Например, в статье о Мильтоне находится тирада о свободе с уподоблением, взятым из сказки о фее, которая иногда принимала отвратительный вид, но скоро становилась опять феей. В художественном отношении сравнение, заимствованное из Ариосто, надобно назвать очень картинным; но предмет, по поводу которого делается оно, отнимает у него всякую излишнюю (если можно так выразиться) заносчивость. Маколей тут говорит о событиях, происходивших за 200 лет до нашего времени и кончившихся утверждением нынешней династии на английском престоле и нынешнего государственного порядка. Мысль Маколея та, что происходили в этом отдаленном прошедшем некоторые беспорядки, но что совокупность событий тогдашнего времени вела к утверждению нынешнего порядка, который он и защищает с усердием истинного консерватора.

Читатель знает, что по различию условий общественного быта подробности консервативных убеждений в разных странах различны. Возьмем, например, законы о наследстве. По английскому

закону недвижимое имущество отца, умершего без завещания, отдается одному старшему сыну; по французскому закону оно в этом случае делится поровну между всеми детьми, как сыновьями, так и дочерьми; по русскому закону дочерям выделяется по определенной (одной четырнадцатой) части, а все остальное делится поровну уже между только сыновьями. В чем же теперь состоит консерватизм англичанина, француза и русского по убеждениям, касающимся закона о наследстве? Англичанин-консерватор будет защищать право первородства против стремлений заменить его способом французского или русского раздела; француз-консерватор должен защищать равный раздел между дочерьми и сыновьями против русского назначения дочерям известной доли и против права первородства; русский-консерватор также должен защищать существующий у нас способ раздела против французского способа и против права первородства.

Из этого мы видим, что в частных мнениях об отдельных предметах консерваторы разных стран могут расходиться между собою; но неужели они должны считать друг друга людьми дурных убеждений из-за этой разницы? неужели они должны не понимать, что под наружным разногласием в отдельных мнениях лежит во всех них одно и то же коренное убеждение, соединяющее всех их в одну дружескую компанию? В самом деле, какова сущность мысли каждого из них? «Установленный порядок наследства или безусловно хорош, или, по крайней мере, преимущества других порядков над ним не так велики, чтобы стоило из-за этого хлопотать о переделке, подвергать общество трудам или неудобствам, какие соединены с переменою». То же надобно сказать и обо всех других отношениях общественной жизни. По каждому из них консерватизм может иметь в разных странах разные убеждения, но по каждому все эти различные убеждения проникнуты одним и тем же духом, имеют один и тот же смысл в консервативных людях всех стран. Так и Маколей по духу своему не говорит ничего противоречащего консерватизму, когда, защищая существующий в Англии порядок, защищает и события эпохи, основавшей этот порядок.

[Чтобы точнее разъяснить положение английского историка в этом случае, мы припомним события, которыми основался наш порядок дел. Разве противно консерватизму хвалить подвиги Минина и Пожарского? Разве противно консерватизму защищать этих деятелей и вызванные ими факты русской истории от всяких порицаний? А между тем Минин и Пожарский отступили от обычного способа ведения государственных дел для достижения своей цели. Конечно, нынешние условия общественной жизни в Англии и России не одинаковы; конечно, не одинаковы были и события, из которых возникли эти отношения; не одинаковы и стремления людей, бывших деятелями событий. Но какова бы ни была разница отношений, Маколей все-таки не хочет перемены

в установившихся отношениях, которые видит на своей родине;] а если писатель, проникнутый таким духом, и разноречит в словах с консерваторами других стран, то по сущности мыслей он не враждебен им, — напротив, сходен с ними.

В самом деле, главная важность не в том, хвалить или порицать известный факт или известных людей, а в том, как понимать их, с какой стороны хвалить и с какой порицать. Обыкновенно факт имеет множество сторон, различных по своему значению; деятельность человека точно так же. Возьмем, например, знаменитый наполеоновский «Кодекс». Он представляет собой переделку законов, изданных или приготовленных предшествовавшими Наполеону собраниями; переделка эта совершена с заботой по возможности изгладить их резкий революционный характер. Человек какой бы то ни было партии может хвалить или порицать этот кодекс смотря по тому, какую сторону его выдвинет он на первый план. Французский легитимист будет хвалить его, если почтет, что в тогдашнее время нельзя было сделать ничего большего для сглаживания анархических начал, введенных прежними собраниями во французское законодательство; он будет порицать его, если станет думать, что можно было сделать тогда больше шагов к восстановлению прежних законов. Анархист может хвалить тот же кодекс, если убедится, что характер законов, изданных предшествовавшими собраниями, мало изменен в нем; будет порицать его, если убедится в противном. От факта обратимся к деятелю — к Наполеону I. Он был простолюдин, управлявший государством с безусловной властью. Легитимист может восхищаться им за то, что он уничтожил республику, заставил молчать представительное собрание, не дозволил говорить ничего против власти. Анархист может восхищаться им за то, что он производил свою власть от народного выбора и действовал революционным способом. Тот же анархист может и порицать его за то самое, за что хвалит легитимист; тот же легитимист — порицать за то, за что хвалит анархист.

Повторяем, важность не в том, какие факты и каких людей хвалит или порицает писатель, а в том, какие стороны этих людей или фактов он выставляет на первый план.

Так и Маколею приходится иногда иметь симпатию к фактам и лицам, не представляющимся хорошими для консерваторов других стран. Что ж делать! Каждая национальность имеет свои особенности; он — англичанин, и в качестве англичанина ему извинительно многое, что было бы неизвинительно во французе, как, наоборот, французу бывает извинительно многое, неизвинительное англичанину. Например, ведь не порицаем мы английских газет за то, что они постоянно наполняют множество колонн описаниями конских скачек; а во французских газетах это было бы несносно. Наоборот, нестерпимо показалось бы нам в английских газетах постоянное наполнение множества колонн разборами

театральных представлений, а во французских газетах театральные фельетоны не составляют нелепости. Точно так Маколей в качестве англичанина писал иногда страницы, которых не написал бы консерватор какой-нибудь другой нации. Но, повторяем, надобно только вникнуть, какую сторону лиц и событий выставлял он на первый план, и мы простим ему многое.

Например, главным предметом своих занятий выбрал он новую историю Англии с половины XVII века. Много лет жизни употребил он на исполнение мысли написать ее; но успел описать только последние годы XVII века. Прежде того много лет употребил он на приготовление к этому труду, и, естественно, написал о том же периоде несколько статей, пока еще не начинал писать историю. Таким образом в собрании его сочинений всего больше места занято переворотом 1688 года, его причинами и последствиями. Какую же сторону этого события выставляет он на первый план? Сущность дела, по его изложению, состояла в том, что прекращены были нарушения существовавших законов; успех дела, то есть ограждения силы существующих законов, зависел от того, что при исполнении соблюдена была величайшая умеренность; главным обеспечением успеха послужило то, что осталась неприкосновенна прежняя форма государственного устройства. Словом сказать, по изложению Маколея, выходит, что сущность дела была консервативна, и успех дела произошел от его консервативности. Можно ли порицать такого историка?

Да, нельзя порицать его за сущность его воззрения, общую нынешним вигам с прежними их противниками — тори. Нет нужды, что тори порицают события, превозносимые вигами, — виги изображают их с такой стороны, которую стали бы хвалить и тори, если бы вздумали, подобно нынешним вигам, выставлять ее на первый план. Разница только в том, что тори не соглашаются, будто бы эта сторона дела была существенною его стороною. Но тут, как видит читатель, разница между вигами и тори имеет уже чисто технический, специальный, если можно так выразиться, археологический характер, имеет значение не общественное, а чисто ученое.

С ученой стороны, с логической стороны Маколей, надобно признаться, неправ. Нынешний вигизм может иметь большинство в палате общин, может быть для английской общественной жизни менее неудобен, чем торизм; но в научном отношении он не выдерживает критики, потому что вовсе не последователен. Он отрицает в настоящем то, что признает в прошедшем, он допускает в мелких делах то, что отвергает в важных, — в науке это не годится; она требует строгой выдержанности принципов. Виги могут быть благоразумными министрами, но неблагоразумно поступит виг, если захочет проводить нынешний вигизм в науке, как делал Маколей. Тут нужно было бы уважать логику и сделать прямой выбор: или, оставаясь верным основанию нынешнего

вигизма, сделаться тори, — потому что нынешние виги те же тори, лишь нелогичные тори — или, оставаясь верным преданию старых вигов, отвергнуть торийские чувства нынешних вигов, на которых мало походили Гамиден и Пим, Альджернон-Сидни и Фокс¹³. Маколей не заметил научной надобности такого выбора. Это значит, что он не имел такой силы ума, какая нужна человеку, чтобы был он самостоятельным мыслителем. Он превосходно развивал мысли, но чужие мысли.

Но если Маколей не имеет первостепенного достоинства как мыслитель, то мы нисколько не думаем отрицать в нем ни тонкости и практичности ума, ни способности превосходно аргументировать, ни богатства частных наблюдений над человеческим сердцем, ни близкого знакомства с ходом человеческих дел: можно быть человеком очень замечательного ума, не будучи мыслителем, можно быть удивительным знатоком жизни, не умея подмечать коренного ее смысла. Таков был Маколей. Но писатель замечательного ума, очень тонко знающий жизнь, всегда будет поучителем, каковы бы ни были научные его недостатки. Не забудем еще одного качества, о котором и нельзя забыть: Маколей — англичанин. Если кому-нибудь из нас и не кажутся справедливы его мнения о многих предметах, то все же очень важно для нас знать, какими особенностями от консерватизма других стран отличается английский консерватизм; а ни от какого другого писателя мы не можем узнать это так легко и с таким наслаждением, как от Маколея.